

«Что в мой жестокий век восславил я свободу...»

В редакцию альманаха поступила статья, содержащая размышления о Пушкине. Тема – особо близкая для нашего издания, его журналистов и читателей. Начиная с первых номеров мы ведем рассказ об этой грандиозной личности, сочетавшей в себе гениальность Поэта, талант и общественный темперамент Гражданина. У одесситов, живущих в городе, которому он дал, образно говоря, грамоту на бессмертие, особое отношение к Александру Сергеевичу. Редколлегия со вниманием и интересом рассматривает предлагаемые материалы, в которых содержится заинтересованный и компетентный взгляд на творчество и жизнь поэта.

Среди наших авторов, публиковавших материалы на эту тему, – ученые, литераторы, деятели искусства, краеведы. Впервые среди них священнослужитель.

В своей обширной статье митрополит Одесский и Измаильский АГАФАНГЕЛ касается многих сторон деятельности А.С. Пушкина.

Мы выделили для публикации те фрагменты, в которых в основном идет речь о нравственном императиве, которым поэт руководствовался в сложных, порой трагических обстоятельствах своей и общественной жизни. Наиболее яркий пример – позиция Пушкина по отношению к декабристам. Это тем более интересно и важно, что со многими из них он познакомился и подружился во время южной ссылки – в Бессарабии, в Кишиневе, Одессе.

Мы предпослали этим фрагментам статьи в качестве заголовка строку из пушкинского стихотворения «Памятник».

В истории народов встречаются имена, перед которыми человечество преклоняет голову, потому что в них воплощены вечность и бессмертие. Таково имя А.С. Пушкина. В нем таится клад разностороннего разума, в нем сокровище могущественного слова, в нем исключительная сила художественности.

Все мы чувствуем и знаем, что нет другого писателя, который дарованием равнялся бы Пушкину. Приговор Виссариона Белинского остается в полной силе до настоящего времени: красотой поэзии, верным представлением жизни и пониманием истории Пушкин вознесся на недостижимые высоты.

От поэзии А.С. Пушкина не почувствуешь утомления, ибо от нее веет вешним ароматом и огненной мыслью, выхваченной из недр человека и природы.

Пушкину, как ни одному из писателей, доступны самые тонкие, самые глубокие и неуловимые для простого, смертного глаза, уха и сердца ощущения, движения, звуки и чувства. В его поэзии, как в зеркале стихийного океана, отражаются искристые, самоцветные жемчуга поэтических образов, звучит и блещет чистый, свободный и чарующий стих, гремит вольная, метко и красиво выраженная, яркая, как ясное солнце, речь.

Если бы мы захотели с карандашом в руках пройти каждое стихотворение Пушкина и подчеркнуть то, что нам особо дорого, тогда пришлось бы испестрить всю книгу. Каждый из нас, прочитав раз Пушкина, навсегда запомнил его оригинальные, ставшие сразу пословицами изречения: «Блаженны павшие в сраженьи»; «Свободный Рим возрос, а рабством погублен»; «Всегда так будет и бывало, такой издревле белый свет! Ученых много, умных мало, знакомых тьма, а друга нет»; «Изменник не страшится зла»; «Слышал я истину бывало: хоть лоб широк, да мозгу мало»; «Блажен, кто смолоду был молод; блажен, кто вовремя созрел, кто постепенно жизни холод с годами вытерпеть умел».

Вся жизнь народа с его особенностями, привычками, преданиями, законами, обычаями, обрядами, воззрениями, верованиями, понятиями и всей широкой культурой нашли в сочинениях Пушкина верное, правдивое и беспристрастное освещение. Этот быт изображен им как священный завет мудрой славянской старины, как проявление национальной самобытности, как могучая сила нашей земли с могучей благородной народной душой, со здоровым образом мысли и с бесконечной глубиной чувства.

Во многих его стихах победно звучит и трепещет сознание радости бытия, обилие жизненной силы, светлых картин природы

и человеческих взаимоотношений. Пушкин не пессимист и не оптимист. Он не отворачивается от зла и не вносит отравы в добро – все воспринимаемая беспристрастно, все заключая в свой широкий кругозор.

Одиннадцатилетнего мальчика, владевшего французским языком не хуже русского, родители решили было отдать в иезуитскую коллегию в Петербурге, в одно из престижных учреждений великосветской верхушки тогдашнего общества. Случилось, однако, иначе. По совету и ходатайству Василия Львовича Пушкина, дяди поэта, и Александра Ивановича Тургенева мальчика приняли в новообразовавшийся Царскосельский лицей.

Александр Тургенев, о котором выразился Батюшков, что он «умел найти в одном добре души прямое сладострастье», сыграл немалую роль в жизни поэта.

Еще в лицее познакомил он Пушкина с Карамзиным и Жуковским. В петербургской квартире Тургеневых, на Фонтанке, против Михайловского замка, глядя на это здание и вспоминая Павла и аракчеевщину, Пушкин написал оду «Вольность»:

...Увы, куда ни брошу взор, –
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кровь темниц, ни алтари
Не верные для вас награды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

В 1824 году А. Тургенев помог Пушкину, «погибающему безвинно и безотрадно в городе Кишиневе», уехать на море в Одессу. Он многократно защищал Пушкина перед властью имущими.

Пушин, один из самых выдающихся декабристов, вместе с Рылеевым вышел первым 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь. Остался жив совершенно случайно. Плащ его деда адмирала, надетый им в этот день, был пронизан множеством пуль. Несмотря на настойчивые просьбы, он отказал Горчакову в принятии заграничного паспорта и отверг предлагаемое устройство побега за границу. В портфеле, переданном Пушиным Вяземскому перед арестом, уцелело немало рукописей Пушкина, Дельвига и Рылеева. Суд приговорил его к 20-летним каторжным работам. Вспоминая о своей встрече с Пушиным в Михайловском, Пушкин написал своему дорогову Жано в Сибирь строки, не утерявшие доныне тепла:

Мой милый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

Дни эти в Царскосельском лицее были, пожалуй, самые счастливые в жизни поэта и его друзей. Среди преподавателей лицея было много выдающихся людей. Вспомнить хотя бы тончайшего педагога, директора лицея Е. Энгельгардта или же преподавателя нравственных и политических наук А. Куницына, о котором впоследствии писал Пушкин:

Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена.

Еще на школьной скамье Пушкин показал себя живым, остроумным человеком.

Дай руку, Дельвиг, что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
Латынью усыпленный... –

писал Пушкин о «товарище юности живой и унылой». Оба они были в лицее не на первом счету – будущий редактор «Литературной газеты» Дельвиг был третьим, а Сверчок, как называли Пушкина, – четвертым с конца.

Но это не мешало тому же Сверчку творить свои бесценные строки, которые уже в 1815 году достойно оценил сам Державин, заметив Аксакову: «Мое время прошло, скоро явится второй Державин – это Пушкин, который уже в лицее перещеголял всех писателей».

Множество эпиграмм на «недруга и друга» писал «остряк любезный», незаурядный карикатурист, один из тридцати первокурсников лицея Алексей Илличевский. Сотоварищу, большому неудачнику Кюхельбекеру прицепил он:

Явися, Виленька, и докажи собой,
Что ты и телом и душой
Урод пресовершенный.

И Пушкин не пощадил злосчастного живого русского Дон Кихота, написав:

Пусть Бог дела его забудет,
Как свет забыл его стихи!

Кюхельбекер блистал образованностью: «горячая голова, каких мало, пылкое воображение заставляло его надеть тысячу глупостей, но он так умен, так любезен, что в нем кажется хорошим даже это самое воображение», – писала о нем С.М. Салтыкова. Впрочем, и Пушкин сказал о нем просто и правдиво, что «у него какой-то особый талант вмешиваться везде в беду».

С Кюхельбекером провел Пушкин первую свою дуэль, из-за пустяковой шутки.

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно –
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Кюхельбекер обиделся, вызвал Пушкина на дуэль, «враги» встретились на роковой дорожке. Кюхельбекер выстрелил первым. Пушкин, бросив пистолет, хотел было обнять своего друга, но тот поднял крик, требуя выстрела противника. Пушкин выстрелил в воздух, подал своему Кюхле руку и выпалил: «Полно дурачиться, милый, пойдем чай пить»...

Однажды, рассказывал Лажечников, в переднюю вошел невысокий человек во фраке, курчавый, с арабским профилем. За ним важно выступали два гвардейских офицера. Это был Пушкин, приехавший со своими секундантами вызвать Денисовича на дуэль. Поводом послужило замечание, сделанное майором Пушкину, сидевшему рядом с Денисовичем в театре и мешавшему ему слушать пьесу. Благодаря вмешательству Лажечникова, запугавшего Денисовича последствиями дуэли с сыном знатного человека, дуэль не состоялась, и майор извинился перед Пушкиным. Тридцать шесть лет спустя, вспоминая об этом, Лажечников написал: «И я могу сказать, как старый капрал Беранте: «Я послужил великому человеку».

Нельзя умолчать и о М. Корфе, о котором директор лицея Энгельгардт писал своим бывшим ученикам: «Корф в гору, да в гору».

В лицее преподаватели замечали, что он «имеет счастливые способности и прилежание, поддерживаемое честолубием и чувством собственной пользы». Нечто совсем противоположное Пушкину, Корф страстно любил читать церковные книги. Из-за этого его дразнили.

Прощаясь в 1817 году с лицеем, Пушкин оставил своим товарищам заветные строки, в которых ясно и просто определил свою дорогу:

Равны мне писари, уланы,
Равны мне каски, кивера.

Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора...

«Чудище, обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – назвал Радищев под конец XVIII столетия все невыносимое, гнивающее на Руси.

Нашествие французов на Москву и ответный поход русских войск на Европу ускорили процесс сближения мировоззрений Запада и Востока, когда лицом к лицу встретились латинский разум со славянской чуткостью и отзывчивостью.

А время было бурное. Происходила переоценка долговечных ценностей. «От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, – писал в 1820 году декабрист Пестель своим родителям. – От Португалии до России, не исключая ни одного государства, даже Англии и Турции, их двух противоположностей, дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать».

Молодежь увлекалась вольным французским духом. В области словесности для борьбы с засильем французской культуры было основано адмиралом Шишковым при содействии драматурга Шаховского и доживающего свой век поэта Ширинского-Шихматова общество «Беседа любителей русского слова». «Беседе» противостало «Арзамасское общество безвестных людей».

Отживающим торжественно-ходульным формам славяно-русского слога пришла на смену живая обыкновенная речь.

Арзамасцы: Карамзин, Жуковский, Блудов, братья Тургеневы, Батюшков, Никита Муравьев и другие привлекли в свою среду жемчуг поэтического духа – молодого Пушкина. «Беседа» погибла в неравном бою. О верхушке «Беседы» лицеист Пушкин написал нелестную эпиграмму:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов;
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской.

В 1818 году в Петербурге меценатом Всеволожским было основано литературное общество «Зеленая лампа». Направление «Зеленой лампы» являлось антиправительственным, там говорилось свободно,

Открытым сердцем
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного Царя,
А иногда насчет земного.

(Послание А.С. Пушкина Энгельгардту)

Все это были, правда, лишь разговоры, а не заговоры.

Там не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука, –

писал Пушкин. Но все же «Зеленая лампа», по выражению Щеголева, была серьезным литературно-политическим обществом, поддерживавшим связь с Союзом благоденствия, а затем – с будущими членами Северного и Южного обществ, участвовавших в подготовке декабрьского восстания.

«Зеленая лампа» была закрыта в 1822 году. Об этом Яков Толстой сообщил Пушкину в Кишинев, написав ему между прочим: «Лампа погасла, – не стало в ней масла».

Нельзя пройти мимо участника «Зеленой лампы» декабриста Якубовича, погибшего в Енисейске, «героя моего воображения», как назвал его Пушкин.

Имя Якубовича связано с Грибоедовым, с которым он стрелялся в 1818 году в Тифлисе. В этой дуэли противники проявили, по словам секунданта Н. Муравьева, совершенное хладнокровие. Не пало ни одно неприятное слово с чьей-либо стороны. «Вид Якубовича был мужественно велик, особенно в ту минуту, когда он после своего выстрела ожидал верной смерти, сложа руки».

Увы! Грибоедов не избежал судьбы. Одиннадцать лет спустя погиб он преждевременно в Тегеране. Арбу с телом убитого писателя, представителя свободомыслящей Руси, друга декабристов, встретил Пушкин летом 1829 года на Кавказе.

Участие А.С. Пушкина в «Арзамасе», «Зеленой лампе», дружба и переписка с будущими декабристами: Бестужевыми, Муравьевыми, Пушковым, Рылевым и другими – не остались без влияния на творчество гения.

В 1819 году Пушкин пишет стихотворение «Деревня», в котором ясно затрагивает вопрос раскрепощения и всенародной свободы:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный,
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

В послании к Чаадаеву Пушкин твердо верит в светлое будущее Родины.

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

В 1820 году до царского правительства дошли слухи о нелегальном творчестве Пушкина. Началась ссылка поэта: Кавказ, Крым, Кишинев и, наконец, Одесса. Здесь, на юге, Пушкин познакомился с П.И. Пестелем – «душой тайного общества, главной пружиной его действий». «Умный человек во всем смысле этого слова, один из оригинальных умов, которые я знаю», – писал о нем Пушкин.

В то время Пушкин уже написал две первые главы «Евгения Онегина» и начинал третью. Вслед за этим появляется великолепная по форме и беспощадная по содержанию сатира на тогдашний помещичий быт, под названием «Граф Нулин».

Арина Родионовна, няня поэта, подруга дней его суровых, дождалась, наконец, своего барина в Михайловском. Она рассказала ему все, что знала про древних витязей, про былое и настоящее Руси. И появились прекрасные сказки.

Бывало, приумолкала старушка у окна, в которое со спицами в руках глядела,

...В забытые ворота
На черный отдаленный путь.

В Михайловском «в ветхой, печальной и темной» лачужке узнал Пушкин о восстании декабристов, о казни Рылеева, Пестеля, Каховского, Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина, о каторжном заключении своих ближайших друзей: Пушина, братьев Бестужевых, Никиты Муравьева, Трубецкого, Батенкова, Лунина и других.

Кстати, когда после 14 декабря возникло дело против Лунина, ему был предложен побег за границу, однако Лунин не согласился.

«Бежать, избегая той участи, которой подвергнутся мои товарищи, было бы малодушием. Я разделял их убеждения, разделю и наказание», – говорил он.

Замечательны сохранившиеся письма и записки Лунина, за которые он поплатился не только каторгой, но и пожизненным заключением в Акатуевском замке, где он и умер в 1845 году. «В России два проводника, – говорил Лунин, – язык до Киева, а перо до Шлиссельбурга».

«Я любил справедливость и ненавидел несправедливость, и потому нахожусь в изгнании. Мысли, за которые приговорили меня к политической смерти, будут необходимым условием гражданской жизни», – писал Лунин.

Герцен назвал Лунина «одним из тончайших и деликатнейших умов» (Яцевич. Пушкинский Петербург. – Ленинград, 1935 г.).

Декабристы взяли на себя задачу, решение которой было под силу только народу. И они потерпели страшное поражение. А.С. Пушкина от общей участи судимых декабристов спасла ссылка в Михайловское.

У многих декабристов были найдены письма и рукописи поэта. «Это – худой способ подружиться с правительством», – писал Жуковский Пушкину. Длились тревожные дни надежд и отчаяния за себя и друзей. В сентябре 1826 года Пушкину было разрешено переехать из Михайловского в Москву. Но тут же из-за написанной им поэмы «Андрей Шенье», а позже, в 1828 году, из-за других стихотворений против него было возбуждено дело, и угрожала далекая дорога в ссылку.

К этому времени появился «Борис Годунов» с изъявлением «силы мнения народа» и с просто сказанным: «Как жалок тот, в ком совесть нечиста», – будь он даже во главе государства.

Своим друзьям, сосланным на каторгу, Пушкин передал через Муравьева «Послание в Сибирь», полное скорби и уважения к дорогим его сердцу узникам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас...

Как бы в ответ на эти строки томившийся в Свартгольмской крепости декабрист Батеньков передал грядущим поколениям душевное состояние заключенного на десятки лет узника:

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
И дышат ли зефиры в поле?
По-старому ль цветет весна?

И дальше глубокомысленные четыре строки:

Ужель и люди веселятся?
Ужель не их – их не страшит?
Друг другу смеет поверяться
И думает, и говорит...

Пушкин назвал декабристов своими друзьями, братьями, товарищами. Гражданские стихи Пушкина вошли в историю гражданской мысли.

«И неподкупный голос мой был эхо русского народа», – писал А.С. Пушкин (1818 г.). И эти слова остались навеки лучшим определением смысла и значения его поэзии.

